

ЭКОНОМИКА

№ 20.

БЮЛЛЕТЕНЬ
ПРАВДЫ

АНТИФАШИСТСКИЙ ДЕНЬ В ДРЕЗДЕНЕ.

Во всех областях Германии были запрещены антифашистские демонстрации. Только в Дрездене, столице Саксонии, где правительство наполовину составлено из социал-демократов и коммунистов, антифашистский день прошел благополучно и вызвал многотысячные демонстрации.

НЕТ МЕСТА
СОМНЕНИЮ И
ДУМЕ

ВСЕ
ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ

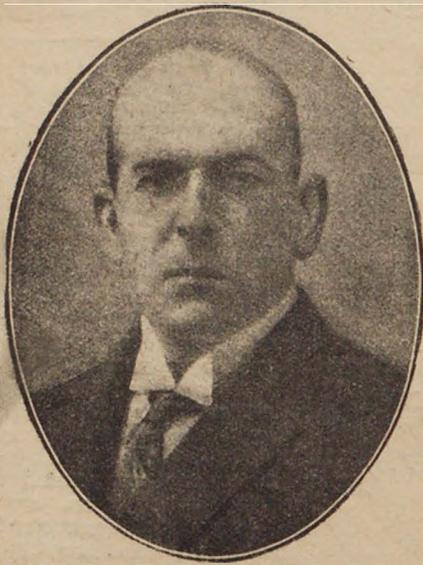
ТОЛЬКО
В ДУМЕ.

РЕКЛАМ-КОНСТРУКТОР
МАРКОВСКИЙ
ГОДЧЕНКО

недоуменно спрашивал Сергей, один из угловых папиросников.—И «Сафо» никто не берет!

— Надо угол переменить,—посоветовал Петруха.—На этом все дешевые поку-

Писатели Запада.

Освальд Шпенглер.

Автор „Сумерек Европы“.

пают.—Ну, а дальше что,—обратился он к Тимке.—Нашли белых-то?

— Нашли! Этого, который у артыста живет, поймали, да жену евонюю застукали. Управдома тоже потащили. А Мишка самогонщик тоже влопался! Одного сахарного песку фунтов двадцать поперли! И аппарат тоже в комендатуру взяли!

— А аппарат—он какой? Им карточки снимают?—несмело спросила шестилетняя сестренка Тимки, прозванная Гулей за обыкновение называть этим именем кур и воробьев.

— Ну, и дура!—расхохотался Тимка.—С тем никогда не заберут, а этот другой, с трубочками, и водкой он его пахнет. Что теперь, братцы, с Мишкой будет? Поди, рас треляют?!

— Закрой плевательницу-то!—почувственным тоном ввернул сидевший на тумбочке Яков.—За самогон в тюрьму сажают, а не расстреливают!

— Мамка приедет,—сколько новостей ей расскажу!—думал Петруха.—И чего она не едет,—скучно!

— А ты чего со мной давеча разговаривать не хотел?—спросил Тимка Петруху.—Батька дрался?

— Так, немножко попало. Мамка приедет,—мы ему покажем!

— А чего она тебя с собой не взяла?

— Вот тоже, скажет,—с собой! Одной-то, и то дорого, не то, что вдвоем. Да она и не кататься поехала, а за продуктами... И, помолчав, добавил:—У меня мамка больная, у нее сердце болит, ей деревня нужна... А как приедет,—так сразу же от папки и уйдем. Нам с ней хорошо будет! У меня мамка добрая!

— А чем жить-то будете?—спросил Сергей.

— Не велика важность, проживем,—деловито ответил Петруха.—Она и сейчас одна зарабатывает, а папка все пропивает. Чего жить-то? Прожить не трудно! Вот только чего-то не едет,—обещала на той неделе приехать.

— Когда она придет, скажи ей, чтобы моей матери шпик продадал,—все равно, ведь, на рынок понесет!

— Мы спекуляцией не занимаемся, самим жрать надо,—ответил Петруха и, постояв с полчаса, распрощался с приятелями и, понурив голову, направился к дому.

Дома он затопил стоявшую в комнате печурку, начистил полный котелок картофеля, а в огромный чайник влил воды.

— Надо будет обед готовить,—подумал он.—А потом опять гулять пойду. Папка наверно опять пьяный придет...

Петруха вздохнул, уселся около печурки и внезапно, неожиданно для самого себя расплакался. Вся его маленькая и незаметная жизнь показалась ему скучной и неприглядной. Вечные семейные ссоры и перебранки с отцом, почти ежедневные побои и тяжелые домашние сцены, после которых мать Петрухи, еще молодая, но страдающая пороком сердца женщина неделями ходила в синяках и ссадинах, грозясь уйти от мужа вместе с сыном. Все это западало в чуткую Петрухину душу и ложилось тяжелым осадком...

— Вот, мамка приедет—весело тогда будет!—мечтал он везду.—Шпик привезет, масла, муки... А папке ничего не дадим,—он нам, небось, жалованье не отдает!...

Через полчаса он поставил на печурку котелок с картошкой и чайник, а сам побежал в лавку за селедкой. Часа через полтора он уже обедал и обжигался пахнущим жестью чаем. Пообедав, он одел пальто и уже намеревался идти опять

Писатели Запада.

Бернард Келлерман.

на улицу, но в это время кто-то сильно и настойчиво позвонил.

— Кто-бы это?—подумал Петруха, не трогаясь с места.

Позвонили еще раз. Петруха, не спрашивая, открыл дверь. Перед ним стоял почтальон.

— Ну-ка, малец, клички кого из больших,—телеграмму привес, расписаться надо. Нет никого? Ну, так, расписись сам, коли умеешь. Не можешь? Плохо дело!

И отметив что-то на длинном белом

листке, он взглянул на Петруху, сунул ему в руки телеграмму и вышел. Петруха с полминуты стоял с бумажкой в руках в задумчивости, потом, открыв дверь, окликнул почтальона, но было уже поздно,—почтальон ушел.

Тогда он запер дверь и с бумажкой в руках направился в комнату, положил ее на комод и сам уселся на стул.

— Что это за телеграмма такая?—думал он.—Нам никогда раньше не носили таких бумаг. Вот жаль, что читать еще не умею. Разве Тимке снести,—тот может читать? А вдруг, ее никому нельзя показывать?

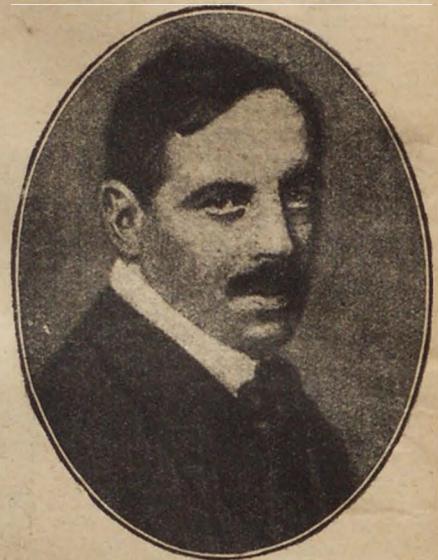
И Петруха, решив дожидаться отца, взглянул в окно.

Угол был пуст; только газетчик ходил взад и вперед, размахивая газетами. Пробегали переполненные вагоны трамвая и суетились воробьи.

И неожиданно Петрухе стало страшно. Он еще раз посмотрел на телеграмму, повертел ее в руках, не зная, что делать,—нести-ли ее соседям или же ждать отца.

А стед пришел поздно, сильно пьяный.

Писатели Запада.

Яков Вассерман.

едва держась на ногах и сразу же, не раздеваясь, улегся в постель и через минуту заснул пьяным, безобразным сном. Петруха несколько раз будил его, совал ему в нос полосу бумаги и плакал. Решив, что сегодня он ничего не добьется от пьяного отца, он повертел бумажку, разорвал заклеивавшую ее марку, разгладил и положил ее под одеяло, встал на одиннадцать часов и начал раздеваться. Раздевшись, он еще раз потрогал бумажку, погладил голову, вздохнул, и внимательно посмотрел на отца, стащил с его ног валенки и улегся на кровать. И часа два, вдоволь намечтавшись о матери, он присоединил свое мерное дыхание с тяжелому храпу отца.

... В полночь вошла луна и покрыла серебряной штукатуркой весь город, а на полу и стенах комнаты, где спали Петруха с отцом,—разложила матово-голубые ковры. Под часами белел лист телеграммы и на нем узкой дорожкой чернела строка: «Везу муку и сахар. Береги сына».

Леонид Борисов.

МЕНЬШЕВИКИ В ГРУЗИИ.

Очерк О. Мандельштама.

Оранжерея. Город-колибри. Город пальм в кадках. Город малярии и нежных японских холмов. Город, похожий на европейский квартал в какой угодно колониальной

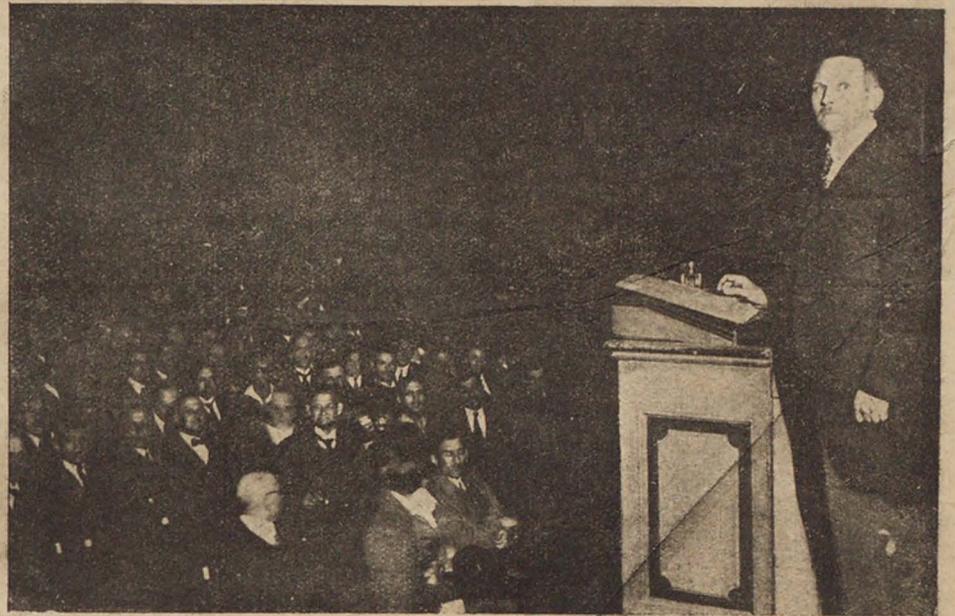
стране, звенящий москитами летом и в декабре предлагающий свежие дольки мандарина. Батум, август 20-го года. Лавки и конторы закрыты. Праздничная тишина.

На беленьких колониальных домиках выкинуты красные флажки. В порту десятка два зевак затерты администрацией и полицейскими. На рейде покачивается ги-

гант Лойд Гриестин» из Константинополя. Дамы-патронессы с букетами красных роз и несколько представительных джентельменов садятся в моторный катер и отчаливают к трехпалубному дворцу.

Сегодня лавочникам и воскресным буржуа приспичило посмотреть на самого Каутского. И вот, катерок бежит обратно: и по деревянному мостику засеменили улыбающиеся вожди «настоящего европейского социализма». Цилиндры. Очаровательные модельные платья—и много, много влажных, дрожащих красных роз.

Каждого гостя бережно, как в ватную коробку, усаживают в автомобиль и поворачивают восклицаниями. Одного из делегатов неосведомленная береговая толпа принимает за Каутского,—но выясняется ошибка и глубокое разочарование: Каутский заболел; Каутский очень жалует, шлет привет—приехать не может. Тут же передается другая версия: черезчур открытый флирт грузинских правителей с Антантой оскорбил немецкие чувства Каутского. Все-таки Германия зализывала свежие раны... Зато приехал Вандервельде. Они уже стояли на балконе профсоюзного «Дворца труда» Вандервельде говорит. Я никогда не забуду этой речи. Это был настоящий образец официального, напыщенного и пустого, комического в своей основе, красноречия. Мне вспомнился Флобер, мадам Бовари и департаментский праздник земледелия, классическое красноречие проф. ктуры, запечатленное Флобером в этих провинциальных речах с завыванием, театральными повышениями и понижениями голоса, влюбленный, влюбленный в свою декламацию буржуа—а все как один человек чувствовали, что перед ними буржуа—говорил: я счастлив вступить на землю истинной социалисти-

Немецкий коммунист Геллейн, просидевший 4 месяца в Парижской тюрьме за попытку связаться с французскими товарищами, рассказывает о своих переживаниях по возвращении в Берлин.

ческой республики. Меня трогают (широкий жест) эти флаги, эти закрытые магазины, небывалое зрелище, по случаю приезда социалистической делегации.

— Вы цивилизовали этот уголок Азии (как характерно сказало здесь поверхностное невежество французского

буржуа и презрение к старой, вековой культуре). Вы превратили его в остров будущего. Взоры всего мира обращены на ваш единственный в мире социалистический опыт.

2

За неделю до приезда Вандервельде в Ба-

Советский пароход в Лондоне.

Press-Photo-News.

Советский пароход «Пролетарий», прибывший с экспортными грузами в лондонскую гавань. Слева знаменитый замок-тюрьма Тауэр.

Б. З. Шумяцкий вместе с представителем министра двора в шахской карете выезжает из летней резиденции полномочн. представительства в Персии Зергенде—во дворец, чтобы вручить шаху сверительные грамоты.

тум пришел другой пароход. Не из Константинополя, а из Феодосии—маленькая плоскодонная, небезопасная на Черном море азовская баржа с палубными пассажирами, бывшая в пути семь дней.

С этим пароходом приехали крымские беженцы. Родина Ифигении изнемогала под солдатской пятой. И мне пришлось глядеть на любимые, сухие, полынные холмы Феодосии, на к ммерийское холмогорье из тюремного окна и гулять по выжженному дворику, где сбились в кучу перепуганные евреи, а крамольные офицеры

искали вшей на гимнастерках, слушая дикий рев солдат, приветствующих у моря своего военачальника.

В эти дни Грузия была единственной отдушиной для Крыма, единственным путем в Россию. Визы в Грузию выдавались контр-разведкой сравнительно легко. Связь меньшевистской и врангелевской контр-разведки была прочно налажена. Людми бросались туда и обратно. Отпускали в Грузию для того, чтобы поглядеть куда и как он побежит—а потом сгребали—и обратно в ящик.

Семь дней волновался тугой синий холст волн. На карачках ползали за кипятком. Дагестанцы в бурках угощали зверобоем. Хорошо из тюльмы перейти прямо на корабль, в раздвижную палатку пространства с влажным ковровым полом.

На сходках встречает студент, облеченный полномочиями. Вспомнились распорядители кавказских балов в Дворянском Собрании.—Ваш паспорт,—и ваш—и ваш; получите через три дня. Пустая формальность.—Почему не у всех?—Формальность. Дагестанцы в бурках глядят искоса.

В городе предупреждают: не ходите в советскую миссию—выследят и схватят. Не ходим. Подем в Тифлис, все-таки столица. Город живет блаженной памятью об англичанах. Семилетние дети знают курс лиры. Все профессии и занятия давно стали побочными. Единственным достоинством человека считается торговля, точнее извлечение ценности из гсрячего, калифорнийского, малярного воздуха. Меньшевистский Батум был плохой грузинский город.

Высокие аджарцы в бабьих платках, коренные жители, составляли низшую касту торговли мелочью на базарах. Густой, разноплеменный сброд смешался в дружную торговую нацию. Все, грузины, армяне, греки, персы, англичане, итальянцы говорили по русски. Дикий воляпоп, черноморское русское эсперанто носился в воздухе.

3.

Через три дня после приезда я невольно познакомился с военным губернатором Батума. У нас произошел следующий разговор.

— Откуда вы приехали?—Из Крыма.—К нам нельзя приезжать.—Почему?—У нас хлеба мало.—Неожиданно поясняет:

— У нас так хорошо, что если бы мы позволили, к нам бы все приехали. Эта изумительно наивная, классическая фраза глубоко запечатлелась в моей памяти. Маленькое «независимое» государство, выросшее на чужой крови, хотело быть бескровным. Оно надеялось чистеньким и благополучным войти в историю, сжатое грозными силами, стать чем то вроде но-

ПРОЦЕСС ЖЮДЭ.

Известный французский журналист Жюда, во время войны борющийся с француз-

скими и сношениях с германскими министрами. Улики были очень слабые, но

Жюда, зная исход подобных, в большом количестве инспирированных Клемансо процессов, предпочел скрыться в Швейцарию. Он отдал себя в руки французской юстиции только несколько месяцев тому назад, когда военные громы и упоение победой уже ослабли. Его дело продолжалось две недели и заполнило собой всю французскую прессу.

Вердиктом присяжных, несмотря на весь шум и правительственные запугивания, Жюда был оправдан. Этот приговор рассматривается как вотум недоверия французскому правительству. До суда Жюда содержался в одной из парижских тюрем.

Французский журналист Жюда в сопровождении конвоира выезжает из тюрьмы в суд.

ским империализмом, был обвинен правительством Клемансо в государственной изме-

нении. До суда Жюда содержался в одной из парижских тюрем.

вой Швейцарии, нейтральным и от рождения «невинным» клочком земли.

— Вам придется ехать обратно.

— Но я не хочу здесь оставаться, я еду в Москву.

— Все равно. У нас такой порядок. Каждый идет туда, откуда он приехал.

Дураки кончена. Во время разговора по комнате шныряли темные люди и, жадно и восторженно указывая на меня, в чем то убеждали губернатора. В потоке непонятных слов все время выделялось одно: большевик.

Люди лежат на полу. Тесно, как в курятнике. Военнопленный австриец, матрос из Керчи, человек, который неосторожно зашел в русскую миссию, буржуа из Кон-

стантинополя, юродивый молодой турок, скребущий пол зубной щеткой, белый офицер, бежавший из Ганджи. Офицера берет на поруки французская миссия. Турка выталкивают пинками на свободу. Остальных в Крым. Нас много. Ничем не кормят, как в восточной тюрьме. Кое у кого есть деньги. Стража благодушно бегаёт за хлебом и виноградом. Раскрывают дверь и выпускают рослого румяного духанщика с подносом персидского чаю. Читаю нацарапанные надписи; одна запомнилась: «Мы бандитов не боимся пытки, ловко фабрикуем жорджия кредитки». Одного выпускают. Он по глупости опять заходит в советскую миссию, на другой день он возвращается обратно. Похоже на фаре,

на какую то оперетку. С шутками и прибаутками людей отправляют туда, где их убьют, потому что для крымской контрразведки грузинская высылка высшая улика, верное тавро. Я вышел в город за хлебом, с спутником—конвойным. Его звали Чигуа. Я запомнил его имя, потому, что этот человек меня спас. Он сказал:— у нас два часа времени, можно хлопотать, пойдем куда хочешь.—И таинственно прибавил:—я люблю большевиков. Может ты большевик?

Я, оборванец каторжного вида, с разорванной штаниной, и часовой с винтовкой ходил по игрушечным улицам, мимо кофеен с оркестрами, мимо итальянских контор. Пахло крепким турецким кофе.

Русские художники в Париже.

Письмо Б. Глубоковского.

Маленькое кафе с неизменным баром с картинами (продаются) по стенам, слегка напоминающее московское «Кафе поэтов», было наполнено молодыми художниками. Меня поразило тот горячий и глубокий интерес к России, который я наблюдал

вым. Последний—редактор русского художественного журнала Парижа—«Удар».

«Удар» резко и определенно держится советской ориентации. Редактор его проявляет дьявольскую энергию в деле организации выставок, благотворительных вечеров, литературных чтений.

Интерес к родине, который я наблюдал у русских

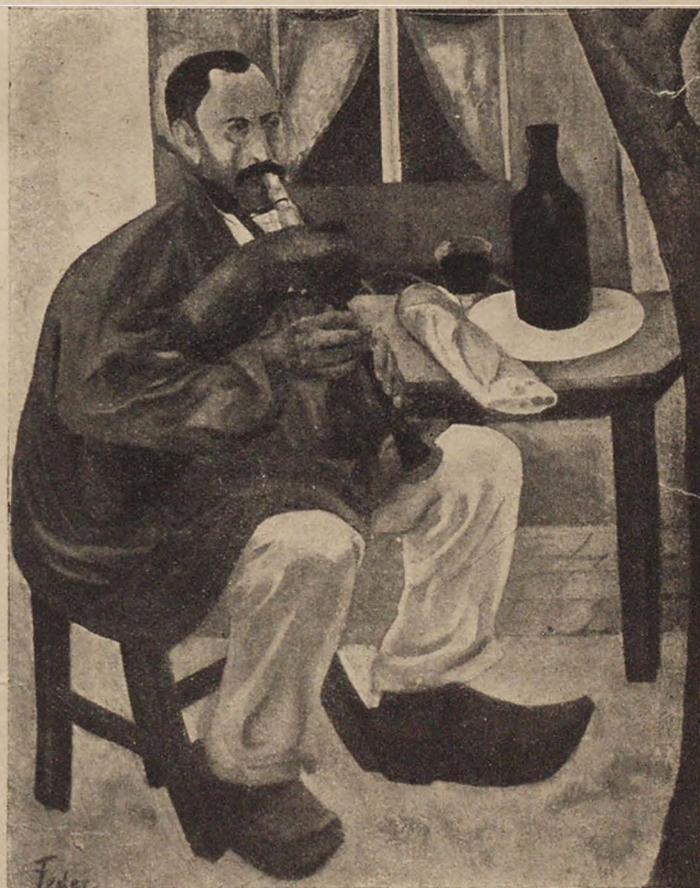
По справедливости на второе место мне хочется поставить Барта.

Выражаясь образно, но не совсем точно, историю русской живописи можно представить в лицах так: Левицкий и Боровиковский, наученные французами, заговорили в жи описи по-французски, но с русским акцентом, передвижники стали говорить по русски, но плохим языком, а мы хотим говорить по русски и хорошо.

В этих словах Барта—ero L'art poetique.

«Dessin»—работа худ. В. Барта (1921 г.)

Музыкант—работа худ. А. Федер (1918 г.)

у этих «парижан». Вволнованно задавались вопросы. Нетерпеливо ждали ответов.

Сразу стало ясно, что эти художники не эмигрантская анабиотическая толпа, которая варится в собственном соку бесплодного скептицизма. Русские художники из Монпарнаса, это—действительно русские художники. Они приехали в Париж учиться, но всей силой своего темперамента они слиты с Россией и бесконечно далеки от эмигрантских художников, «пробавляющихся разными «russerie» и уже умерших для живой России.

Наиболее крупными идеологическими группировками являются «Через» и «Удар». «Через» возглавляется поэтом футуристом И. Здаевичем—«Удар»—Сергеем Ромо-

художников—вызвал и во мне интерес к их работе. Не раскаяваясь, что я посетил их мастерски.

Прежде всего А. Федер.

Вдумчивый, осторожный—большой художник. В творчестве его отголоски бр. Ле Нэн, Ширдена и очаровательно наивного А. Руссо. Федер далек от модного ныне дилетантизма, не идущего дальше «Ню» и бесконечных натюр-мортов. А. Федер стремится к созданию живописной картины.

Федер—один из пионеров коллекционирования негритянского искусства. В его широкой, светлой мастерской я видел поразительные фигуры—произведения этого нового искусства, которое так увлекает теперь парижан.

Он действительно стремится создать русский живописный стиль. Он ищет его у мастеров раннего Возрождения в русской иконе. Из вещей Барта особенное в имани привлекает его «Гитарист».

Любопытны работы и более молодых: К. Терешкович, Ланской и Ясюнинской.

На прощанье я сидел с моими новыми друзьями в дешевом кабаке на Монпарнасе. Мы спорили до хрипоты, говоря о России.

А когда я прощался с ними, они мне сказали:

— До свидания в России.

Борис Глубоковский

Детская республика.

Очерк А. Карпова.

Мне как-то раз пришлось услышать разговор двух педагогов, расхваливавших постановку дела воспитания беспризорных детей в Америке. Мелькнула мысль:

— Нет. Мы уже играли... Сейчас будет урок поллитграммы. Там мы разбираем то, о чем вчера говорили нам. Понимаете—недавно были у нас от «Калиныча», гости.

гой детишек разного возраста. Начинаю с карапузов 5—6 лет.

* Хотите посмотреть—как наши дети себя обслуживают?

А разве это выходит за пределы обычной уборки комнат, подметания полов, и мытья посуды?

— О-го-го. Вы нас—не знаете совсем. У нас в некоторых домах настоящее молочное хозяйство, свои коровы. «Красная звезда» и «Третий Интернационал» завели прекрасный огород. В 27-м доме объединились переплетчики и работающие для Моно и городских библиотек. Тут же сапожники подлинны мастера. Обслуживают починкой детское население всего почти городка...

— Вероятно, более или менее взрослые.

— Есть и такие, но в большинстве—малыши.. Но суть не в том. Сапожники то, да переплетчики—вчерашние «уличные завсегдатаи». Недавно только поселены у нас. Были отпеты из них ребята теперь настоящие трудовики...

В часы занятий на перебой стараются передеголять друг друга перед инструктором в умении ловко и тщательно сделать переплет, сброшюровать книгу, поправить детский ботинок.

А детский городок действительно обещает развернуться в свободную общину малышей, в некую лабораторию трудового самостоятельного воспитания.

Кто руководит работой?

Конечно, сами же дети. Под общим наблюдением взрослых, педагогов. В домах бывают общие собрания детей. Разбираются вопросы жизни и быта городка. Решают вопросы внутреннего распорядка детской общины. Возглавляет все особый детский президиум. Это учетно-распределительный орган у детей городка.

Он, между прочим, распределяет и работу в разных комиссиях.

Пожелаем процветание этому городку. Пожелаем, чтобы таких «детских республик» народилось побольше не только у Красной Пресни, а и в остальных районах

Оные обитатели «Детского городка им. М. И. Калинина» в свободное от занятий время занимаются физическим образованием.

— Неужто мы здесь так плохи. Неужто Советская Россия в этом отношении безнадежно отстает.

А на днях на этот вопрос удалось получить нужный ответ. Я побывал в «Детском городке имени М. И. Калинина» в Серебряном бору. Этот городок является простым объединением нескольких детских домов.

В Серебряном бору до «Октября» проводила лето исключительно купеческая знать; финансовые тузы понастроили здесь не мало великолепных особняков-дач. Эти дачи служат теперь основной базой детского городка. А сверхблагоустроенная вилла Рукавишниковых—превратилась в детскую санаторию городка.

Кто населяет детский городок? Как живут, как проводят там время его теперешние обитатели?

Кадр детских домов—сироты, дети безработных рабочих, беспризорные дети улиц,—осажок волны, хлынувшей с Поволжья в страшный голодный год.

Удивительную историю проделала с нами Советская власть.

Чисто одетый, физически здоровый, во время и сытно накормленный, имеющий постоянного воспитателя, занятый играми или занятиями в продолжении всего дня прежний забитый одичавший ребенок улицы превратился в довольно развитого для своих лет, общественно-настроенного, приученного к труду. И таких в одном только этом городке—свыше 3000 ребят. Не придти на помощь Советская власть—бороздили бы эти оцепеневшие бесконечные улицы Москвы, протанцовали бы исподволь дорожку в тюрьму, общую для всех выброшенных на улицу людей.

Попалась мне на встречу группа детей 12—13 лет. Оживленно о чем-то говорят...

— Играть идете?

(Он—наш шеф). Нам хочется узнать, что делает тов. Калинин в Советской республике. Придет сам к нам—не сядем в дужку...

В других домах, среди детей большое увлечение физкультурой.

— Мы были заморыши. Это—правда. Теперь—поправим себя. З-здоров-вяки из

Младшие группы «Детского городка» за играми в одном из уголков сада при вилле бывш. Рукавишниковых.

нас выйдут... Настоящая пролетария. Вот он, посмотри, мускул какой. Надулся...

Это—из разговоров на спортивной площадке, ежедневно посещаемой сотней дру-

Москвы. И даже в самых глухих местах обширной Советской республики.

А. Карпов.

Институт им. Мечникова в Москве.

Статья Директора института проф. С. В. Коршуна.

Институт имени Мечникова возник в самое тяжелое для Советской России время, в феврале 1919 года.

Мечниковский институт—это «дитя революции» по меткому выражению Н. А. Семашко несмотря на блокаду, граждан-

ны преимущественно больные малярией и дизентерией.

Пастеровское отделение вошло в состав института в 1921 год. Основано в 1886 году. За 37 лет своего существования пропустило 128340 больных. Основной задачей является борьба с бешенством и лечение людей, укушенных бешеными животными. Обслуживает 11 губерний. В первые годы своего существования обслуживало половину всей Европейской России. В довоенное время количество больных, обратившихся на станцию Пастера, доходило до 7.000 человек. В военное время и в годы революции количество больных значительно сократилось; начиная с 1921 г. вновь увеличилось и в данное время, ежедневно пользуются лечением до 400 человек.

В лаборатории Пастеровской станции производится ряд научных работ по вопросам, связанным с бешенством. Научная работа значительно оживила ее последние 2—3 года. Пастеровская станция делится на 3 отделения: лаборатория, амбулатория и стационарное. За последнее время участились случаи укусов крысами и кошками.

Сывороточно-вакцинное отделение является по преимуществу производственным. Оно выполняет большую работу по выработке предохранительных вакцин (холерная, тифозная и друг.). Лечебных сывороток (дифтерийная, скарлатиновая и оспенного детрита). Кроме того многие больные, страдающие некоторыми хрониче-

скими заболеваниями кожи, хроническими заболеваниями мочевых путей и др. подвергаются лечению, изготовленными отделением вакцинами из бактерий, полученных от самого больного. В загородном сыровоточном отделении в Сельхозе ин-

Директор института имени Мечникова С. В. Коршун.

Искусанные бешеной собакой в ожидании прививки.

скую войну и проч. тяжелые условия, переживаемые в то время Республикой, рос и ширился.

Институт превратился в крупное научно-практическое учреждение, стоящее в центре санитарно-эпидемиологического фронта.

Институт Мечникова находится в ведении Мосздраводела и состоит из 7 отделений:

Клиническое отделение (больница доктора Гааза, известного врача филонтопа), на 75 кроватей исключительно заразно больных. Подбор болезней происходит по заданиям института в соответствии научными работами. В данное время подобран-

ститута содержатся лошади для получения от них сыворотки и питомник мелких опытных животных (морские свинки, кролики).

Эпидемиологическое отделение занимается обследованием очагов заразы с целью выяснения источников и путей распространения заразных болезней.

Протозоологическое отделение. Его работа по малярии стоит в центре московской организации по обследованию малярии. Оно prepares врачебный персонал для борьбы с малярией и дает консультацию работникам по малярии в затруднительных вопросах. Занимается обследованием мозга бешеных животных.

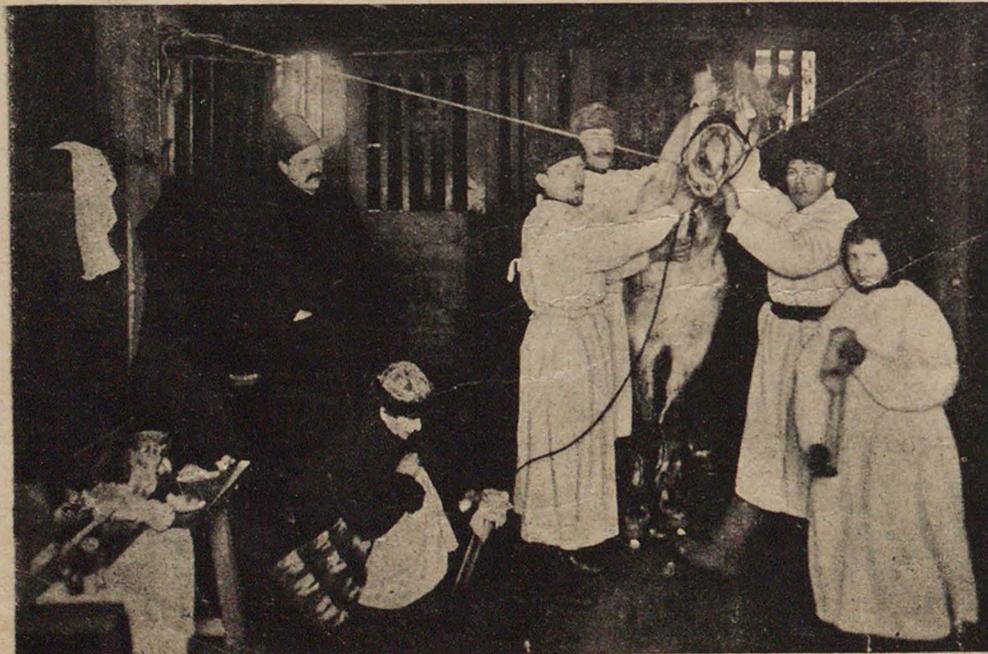
Биохимическое отделение решает научные проблемы, возникающие во всех отделениях института в связи с научными работами каждого из них.

Патолого-анатомическое отделение. В это отделение стекается патолого-анатомический материал со всех отделений института для научной разработки.

Как видно из краткого перечня работ отделений научные исследования занимают видное место в жизни Мечниковского института.

С осени 1922 года институтом проводятся систематические курсы по эпидемиологии и бактериологии для санитарных врачей Москвы и Московской губернии 2 раза в год по 4 месяца. В *Педагогической* работе принимает участие весь персонал института.

Кроме постоянных сотрудников, в научной жизни института принимают также участие врачи, получающие в институте «рабочие места» для разработки отдельных научных вопросов. В течение первого полугодия текущего года на еженедельных научных конференциях доложено 20 оригинальных работ, из которых часть напечатана в специальных журналах.

Быт и семья.

Статья А. Коллонтай.

В одной области продолжающаяся революция еще далеко не остановилась: это в области семейно-брачных отношений. Сдвиг, начатый в 1917 году в этой области, продолжается все ускоряющимся разбегом. Поражает каждого наблюдателя, который хотя-бы временно оторвался от Советской России, та пестрота, которая намечается в брачных отношениях по сравнению с таим установившимся буржуазно-мещан-

А. Коллонтай.

ским укладом в странах, не переживших социальную революцию. Россия представляет собою опытное поле, на котором выявляется в самых разнообразных формах брачные отношения, ближе отвечающие идеалам пролетарского класса и будущего коммунистического общества.

В настоящий переходный период, несомненно, встречается ряд уродливостей и ненормальностей, так как идет смещение отживающего взгляда на женщину, как на придаток мужчины. Вместе с зарождением действительного товарищества между полами, отмиранием двойной морали и формированием брачных отношений, основанными не на хозяйственном или материальном расчете, а на сознательной товарищеской связи между трудящимся мужчиной и женщиной.

Еще на отмер брак, в котором женщина играет роль либо домашней работницы, либо содержанки, еще не отмерла проституция во всех ее видах, включая законно-брачную проституцию женщины.

Еще не отмерло в мужчине воспитанное в нем самодовление и умение уважать в женщине товарища-человека. Но рядом с этим мы видим, что не только в городах, но и в деревне устои прежней буржуазной формы семьи колеблются. Юное, подрастающее поколение становится независимей по отношению к родителям. Вместе с тем, участие женщин в производственной жизни и социальном строительстве нашей республики за революционные годы оставило глубочайший след на психологии широкой массы женщин.

Женщина стала свободней, самостоятельней и независимей. Она начинает отсчитывать к жизни, как ее товарищ-мужчина. Центром ее существования перестает быть любовь и узко-семейные переживания.

Многих пугает та свобода, которая намечается во взаимных отношениях между полами, но при всех уклонах и временном извращении новой пролетарской правды во взаимоотношениях между полами чувствуется свежее и здоровое веяние, говорящее о том, что прежний мещанский взгляд на семью и брак бесповоротно стмирает. Нарастает и создается новая половая мораль, отвечающая интересам трудового коллектива.

А. Коллонтай.

Верные союзники.

Рис. Г. Шиллинга. («Simplicissimus»).

Англо-французские „мирные“ отношения в свете рентгеновских лучей.

Народный суд.

Очерк С. Гехта.

Список, возвешающий о служебном дне народного суда, огромен. Слушанию предстоит свыше двухсот дел. Сложная задача разрешается просто. Они рассаживаются по восьми залам и ликвидируются незаметно.

В каждом зале—четыре малахитовых колонны, одна великолепная люстра, три аполлоны с перержавевшими пахами и на стене—герб Республики.

В углу, на помосте—длинный стол, обтянутый зеленым сукном. За столом—три широкоплечих дяди в штатском. Как в школе, на экзамене.

Но атмосфера все-таки в каждом зале—разная.

Например, во «втором гражданском»—нет женщин. Подсудимых вводит конвой, толкуются многочисленные свидетели, по скамейкам ползет тревожный шопот. Пред скромным судьей и еще более скромными присяжными заседателями в мастерских пиджаках и неуклюжих сапогах с растрюбом, проходят самогонщики всех мастей, случайные и высоко-квалифицированные. Легкий звон колокольчика.

— «Именем Российской Социалистиче-

ской»...—все встают. Одна минута—готово. Усаживаются, крихты. Обязательно, крихты—почему, неизвестно. Тишина—свист влетающей пыли и шелест уличной липы.

— Подсудимый Ягуаров!

От двери отделяются двое: монтер Павел Ягуаров и конвоир. Обвиняемый шагает через зал, опустив глаза. Плотная вяземская рубаха не может скрыть нервного дрожания ребер. Ему читают обвинение «Подсудимый Ягуаров был задержан на Крымском валу с бидоном самогонки».

— Вы признаетесь в продаже спиртных напитков?

— Нет, товарищ судья.—Никогда не торговал.

— Кому-же предназначался самогон?

— Тестю нес в подарок.

— Это целый бидон-то? Ваша профессия?

— Монтером служу.

— Ставка ваша?

— 3.400 рублей

— Однако-же... Расход не по приходу.

Дорогие подарки-то.

— У меня работа посторонняя была. Излишек оказался.

— Где вы работали на стороне?

— На Арбате.
— Укажите точный адрес и фамилию.
Подсудимый молчит. На вопрос о месте отвечает сбивчиво, краснея и заикаясь. К концу показаний путается совсем. Судья и заседатели уходят после краткого опроса свидетелей в совещательную комнату. Публика вздыхает.
— Бестолковый человек. Сам себя в грязь пихнул.
— Сумел заварить, сумей и расхлебывать.

— И правду говоря: язык до Таганки доведет. Месяца три—фактура.

Подсудимый слушает, прикусив губу и блуждая невидящими глазами по пережарившимся там равнодушных эполлоноз. Он уже знает о назначении, ждущем его. Так и есть. У публики острый нюх—она угадала.

Пока будут судить следующих самогонщиков, пройдем в соседний зал. Но что так делается? Милая, домашняя картина. В публике—много женщин, молодых и «симпатичных». В рядах—хохот. Хохочет публика, затыкая рты платками, смеются, пригнувшись над столом, присяжные заседатели и улыбается судья. И что любопытнее всего: хохочут ответчики. Это немолодой муж и немолодая жена. Она требует развода, он отказывает ей в этом. Судья убеждает настойчивого супруга:

— Что вам за охота жить с нею, если она не хочет вас?

— Так если я ее люблю? Двадцать лет жили—не отколось.

— Почему же вы ее избивали?

— Да как не побить, товарищ судья, если она—негодная совсем хозяйка.

— Объяснитесь.

— В баню соберешься—белье не готово, обедать придется—щип не сострипаны; в публичные места ходить задумала.

— Как это так, в публичные места!

— В клубы там разные. Не бабье это дело, товарищ судья. Судья улыбается, в рядах—хохот. Легкий звон колокольчика—свист влетающей пыли и шелест уличной липы.

Муж—«нет», по-прежнему. Жена—«требую»—по-прежнему. Публика—ушки на макушке. Мило, хорошо, свежо.

Судья захлопывает «дело» супругов—овых и никто не замечает, как вместе с папкой и пелью он захлопывает два горячих и острых солнечных луча. Ответ во всех бракоразводных процессах одинаков:

— Через три дня в общей канцелярии. Готово.

Уходя, муж оправдывается:

— Бабьи достатки да бабьи догадки—последнее дело. Одно слово—пошире мужика нашла. Эх...

Следующее дело—гражданка Карягина.

Гражданка Карягина—высокие каблукы—мюр и мерилиз, рыжие волосы—перекись водорода, а запах-то, запах—дрожжи и ваниль. Гражданка Карягина—ах!

— Истец Чапыгин! Толстый и солидный (главное—солидный) домоуправление, акт о выселении. Нет денег, шум, тапцулька, кокаин, нельзя терпеть.

Гражданка Карягина говорит долго и звонко. Кокетство и не просое—дервиль сорт—струится от нее, как дым от паровоза. Но судья холоден. Но судья деловит—ах, что будет. Гражданка Карягина за платком—а платок душистый. Кофта парашку и пуговка на отлете—а лифчик-то кружевной, а груди-то тужеют, багровеют, кэчаются—неужели не поможет. Но судья—даром, что в пиджаке и сапогах аховых—а Фемид—подобен. Холоден и слеп, как мраморная башня над фронтонами губернских окружных.

Оставим гражданку Карягину—пусть выворачивается, как знает—средств у ней достаточно. Посмотрим, чем дышет уголовный зал.

— Подсудимый Аляско избил числа такого-то извозчика Клычко. Доставленный в район, по освидетельствованию оказался в состоянии полного опьянения.

— Признаете себя виновным?
— Извиняюсь. Случайно совсем. Напоили, черти.

Военно-морская Академия РККФ.

Статья комиссара морских сил Республики В. Зофа.

Началом работы Академии в ее теперешних формах можно считать 4 марта 1922 года. До этого времени в Морской Академии сохранялись лишь основные научные кадры. Первая попытка начать учебные занятия в 1920 году была неудачна, так как нового красного контингента слушателей не было на лицо, принятый же состав исключительно из старых кадров не мог удовлетворять потребностей флота в *красных вождях*.

В 1922 году, приказами по Морскому Комиссариату и постановлениями Высшего Академического Совета, в Академии были созданы подготовительные курсы (рабфак).

Все Реввоенсоветы и Политотделы морей получили задания направить в Академию лучших товарищей с большим революционным боевым стажем, с одной стороны, и достаточно подготовленных для чрезвычайно сложной военно-морской учебы, с другой.

Громадные трудности пережила Академия при начале своей работы, на новых основаниях.

В значительной мере оторванная от жизни, она должна была превратиться в чрезвычайно многообразный и гибкий аппарат для подготовки нового высшего командного состава, предназначенного к самой разнообразной специальной деятельности.

Сейчас в Академии имеются отделы:

1) Военно-морской (Генштаба), 2) машиностроительный, 3) кораблестроительный, 4) электротехнический, 5) оружия, 6) гидрографический. На каждом отделе имеется ряд курсов, причем, согласно потребностям флота и наличного состава слушателей, выпуски будут не ежегодные. Немногочисленность отдельных групп, 10—15 человек, дает возможность наметить новые целесообразные пути работы, которые постепенно и укрепляются. Руководители кафедр и преподаватели персонально руководят самостоятельными работами слушателей в значительной части вопросов. Практические задачи, разрешаемые в учебном порядке, берутся из действительности: такова, например, тактическая игра, в которой учитывается реальная обстановка; проектирование на отделах технических, в которых намечаются действительные механизмы и установки, пригодные для новейших судов и т. д.

Все это, в конечном итоге, должно определить новую линию подготовки высоко-теоретически квалифицированных работ-

Комиссар морских сил Республики В. Зоф.

ников, предназначенных для непосредственной практической работы в плавающем флоте и в штабах и центральных учреждениях Моркома.

Благодаря этому отделяется задача научной кабинетной разработки вопросов, бывшая господствующей в прежней Академии, от задачи подготовки высшего командного состава флота по всем специальностям.

Все эти организационные вопросы разрешались наряду с упорной регулярной учебой.

Подготовительные курсы, на которых сконцентрирован наиболее крепкий поли-

тический рабоче-крестьянский состав, с привычным для рабочих факультетов упорством справились уже со всей задачей окончания среднего образования. Однако, сложность Академического преподавания требует прохождения на подготовительном же курсе целого ряда специальных предметов, включая высшую математику и проч. Это неминуемо удлиняет срок обучения. Квалификация работника флота, ответственного за всю многосложность боевой работы флота, за всю сложную технику современного корабля, требует громадного объема теоретических знаний.

Минувший год подвел итоги работы Академии. Они оказались превосходными. Несмотря на «детские болезни», естественные при рождении такого организма, несмотря на многие недочеты материального и иного порядка, на огромнейшую перегрузку слушателей, успешность по отдельным группам выражается от 90%—100%.

Чисто научная работа Академии не прекращалась во все время, дав такие труды, как, например, «Паральная теория гребного винта» профессора Брикса, получившая мировую известность. Персональные работы профессуры и слушателей объединяются за последнее время занятиями Военно-Морского Научного Общества.

Через В. М. Н. О. Академия связана тесно с действующим флотом, так как значительная часть членов общества находится в плавающем флоте. Связь эта, необходимая для постоянного здорового освежения академической мысли, кроме того выражается в летних практических занятиях слушателей и особенно в маневрах Балтийского флота, бывших в прошлом году, где слушатели и преподаватели Академии приняли деятельное участие.

Наново пришлось вернуться с того же 1922 года и вопрос о политическом обучении и воспитании состава Академии. Была создана кафедра социально-экономических наук, осуществляющая обязательный курс полит. обучения.

В заключение можно сказать уверенно, что Военно-Морская Академия, являясь одним из прочных камней военной мощи Республики и даст со своей стороны, наряду с Военными Академиями, ряд передовых бойцов в борьбе против капитала.

— Кто напоил?
— Да ну их. Ладно. Судите.

Обвиняемый угрюм и серьезен. Трезвый, он совершенно другой человек. Он не помнит себя в пьяном виде. Совестно и тяжело—сбыть-бы с рук.

Но когда вызывается жалобщик, дело принимает совсем неожиданный оборот. Поступивший три недели тому назад, изволившийся Клычко, теперь вдребезги пьян. Он еще вкатывается в залу, смачно целует подсудимого Аляску и слушает с блаженным видом чтение протокола. Ему нравятся деликатные слова, судья с перевязанной щекой, аполлоны и все. Он доволен.

Но дело приобретает новое название. «Трезвый подсудимый и пьяный свидетель».—В результате—пять рублей золотом—подсудимому Аляске и двадцать пять рублей—жалобщнику Клычко. Жалобщник Клычко изумлен и все-таки доволен. Он

только не может никак выпутаться из коллонады и с недоумением шупает холодный и блистающий малахит.

Огибая барьер, подходят трое. Спины—корявая мощь—американские кепи, лица—нахмуренная ширь и синие блузы,—словно сползли с агитационного плаката Дени. Трех богатырей обвиняют в том, что они, проходя по Чугунному мосту, бросили в воду бомбу. Три богатыря оправдываются—какая там бомба—ракета ерундовая. А свидетели сбоку:—треск-то откуда? Ракета не трещит, милые.

Старший сконфуженно оправдывается. Чувствуется правда.

— Шли мимо мосту. Видим—лежит, вроде дрожжи какие и фитилек посередине.—Ле же і,—говорит Костянтин.—(Костянтин—вот он)—давай зажжем. Сегласились—занято. Поднесли спичку, а она-то как поползет, поползет, да стрельнет—кто его знать мог. Не военные мы.

— Где работали последнее время?

— В Можайске, лес возили.

— Эх, Можай на баб урожай,—вдыхает присяжный заседатель.

Три члена суда уходят совещаться; три богатыря ждут. Три члена суда возвращаются и вот—именем социалистической.

— Оправданы,—говорит один из публики. Все довольны. По лицам богатырей проползает улыбка, похожая на первомайский плакат.

* * *

На улице дождь и град, а здесь тепло, уютно.

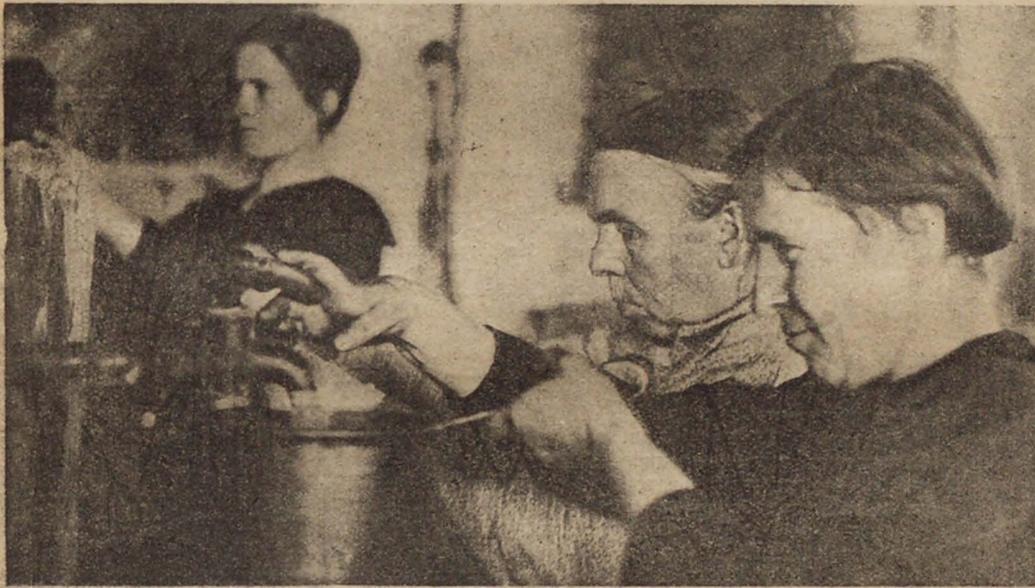
Есть буфет—чай, и булочки, и котлеты. И оживленные кулуары—очень, очень уютно. Правда, не всем—десять человек все-же пойдут отсюда под конвоем под кирпичный свод, на холодные нары, в убогую комнату, где нет ни порержавевших аполлонов, ни малахотивых коллоны, ни великолепной люстры.

С. Гест.

В женском рабочем общежитии.

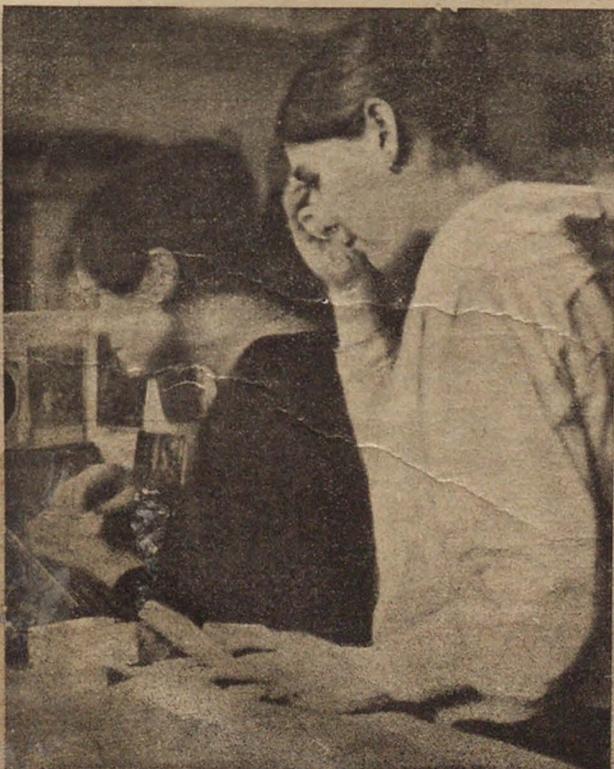
(На Прохоровской мануфактуре).

Бытовой фото-очерк В. Савельева.

Конечно, у куба с утра до вечера царит необычайное оживление. Но справедливость требует отметить, что обычной женской перебранки здесь, в рабочем общежитии, почти не услышишь...

Старая работница имеет возможность мирно отдыхать за вязаньем.

Молодые, собираясь на вечеринку, не забывают поупряться...

Но самое приятное после трудового дня побеседовать за чашкой чая

Кооперация в Псковской губернии.

От нашего псковского корреспондента.

В Псковской губ. в гор. Остроге существует одно из крупнейших коопер. об'единений Западного края. Несмотря на полтора года существования, острогский Усельсоюз, начавший свою деятельность с капиталом в 100 золот. руб. и 3 пуда хлеба, теперь разросся в широкую мощную организацию, об'единяющую до 7.000 чел., главным образом, крестьян. На нашем снимке наружный вид главного склада Кооперации.

В СОВЕТСКОЙ ТЮРЬМЕ.

Очерк С. Бройде.

Первые несколько дней в тюрьме я просыпался по утрам с тяжелым сердцем. Потом начала вытягивать меня, как приводный ремень на машине, упорно и немолимо, шаг за шагом, жизнь сотен человек, шедшая рядом и имевшая свои законы. Хотелось их изменить—сделать жизнь здесь прекрасной и яркой.

Я легко убеждался в том, что в тюрьме царят навыки порядка человеческого общения, и страдал от этого.

Меня приводили в ярость мелочи—неизбежные и приятные,—сосед, расстеливший на койке чистую, белую скатерть, полученную из дома, а на ней еду, и уходивший с аппетитом в поглощение пищи.

Чем отличается он от подобного ему сидящего в ресторане?

В тюрьме все должно было быть необычным, простым, легким и ясным. А на самом деле, было похоже на то, что заключенные, по делам службы, отправлялись в путешествие; на дорогу заботливой рукой уложены были для них вещи и еда.

И только!

В тюремной камере—как в зале 3-го и 2-го класса на вокзале, располагались, ожидая поезда, в котором доедут до дому.

Казалось нелепым, что только стена отделяет от настоящей жизни, которая, как огромная волна перекатывалась через тюрьму. В тюрьму приходили подавленные тяжестью разлуки с семьями, с привычным кругом интересов.

Но шли дни, ровные и быстрые в своем кажущемся бесконечном однообразии, и несли на смену этим переживаниям примиренность с обстоятельствами.

Такова власть вещей, ломавшая даже неукротимых, не укладывавшихся в обычные рамки людей.

В тюрьме поневоле соприкасались с домашней экономикой. Можно сказать, что «экономика» была одним из основных моментов жизни заключенных, ревниво следивших за материальным бытом своих семей. Они, правда, не принимали участия в укреплении благополучия своих близких, скорее способствовали его разрушению.

Успокаивались и утихали в своей жадности к приобретению благ.

Смущались только позднее, когда вольные «орлы», крупные советские чиновники или коммерсанты, с поникшей головой приходили в тюрьму. Мы, «старички», утешали их и ободряли.

Тюрьма воспитывала мужество в сердцах людей, на что нибудь годных; они обретали в тюрьме спокойствие, которого были лишены в свете на воле. Мужественные черпали для себя утешение в том, что становились свободны от встреч на городских улицах, где живет тоска и властвует обыватель.

Где рессеивается мысль, бегущая мимо толпы; где растет досада и гнев на себя и на окружающих за то, что все ложь никто не знает на городской улице, чего он хочет. Сам в ней, во дни участвуешь, отказываясь от борьбы с ней; или в лучшем случае, хочешь очень маленького.

В тюрьме, учились отчетливо понимать, что великая российская революция захватывается грязными лапами толпы, не ощущающей ее величия.

Нельзя было бархатиться в болоте мелких интересов—надо было пойти нога в ногу с творцами новых ценностей—надо было во что бы то ни стало вырасти, вытянуться вверх, иначе ведь жутко стыдно—иначе ведь получалось повторение механических движений, за десятки лет до рождения каждого из нас, уже сделанных.

В тюрьме многие властно и крепко хотели воли, чтобы вернувшись к ней, исправить свои ошибки. Тюрьма, или мудрость после тюремных дней, когда яснее увидел я обратную сторону жизни, освободили и меня на половину из под страшного влияния—вещи. Только тюрьме обязан я этой радостью.

Так много хотелось объяснить своим соседям по койке, в них перелить стремился свое убеждение в своем раскрепощении.

Подлинное облегчение давала мне острая радость моей победы над властью мертвых, неподвижных вещей. Если бы я мог увлечь за собой своим порывом все две тысячи заключенных, если бы было

право проповедывать им жаркое, страстное устремление к освобождению духа именно в тюрьме—в тюрьме, где не зажимали нас лапы жизни—будничной, мелкой!

А группа заключенных, исполнявшая процедуру вечернего чая, не была ли житейски-реальной и до жути жалкой?

Можно было прийти в отчаяние, что здесь все то же.

Люди в тюрьме терялись на время, но даже в своей растерянности, не забывали о своих привычках.

Даже смертники пили чай, обедали, курили, писали глупые письма на волю—и у них не было ничего от человека, смотрящего смерти строго и просто в глаза.

А жизнь привелигированной буржуазии (писарей и крупных спекулянтов) рядом с голодной беднотой, жадно пожиравшей передачи глазами, не была ли борьбой классов в тюрьме? Рабочий, укравший кусок мануфактуры и получавший скудную передачу—раз в месяц—ведь не мог ненавидеть тех, кто сытно ел рядом с нам.

Что давало право крупным спекулянтам и контр-революционерам (белогвардейцам), державшимся кастовых привычек, так небрежно оценивать массу заключенных в тюрьме?

Не то ли, что в тюремных коридорах им нечем было рисковать.

Я жалел, что в тюрьме нет Иванов, командовавших некогда уголовной шпанкой.

В тюрьме нашего времени умерли и бесследно исчезли традиции уголовных героев, в железных руках державших власть в тюрьме.

Сейчас Иванами стремились сделаться «аристократы». Они—«аристократы»—Иваны своих не забывали,—так называемые общественники контр-революционеры немедленно извлекались из карантинного корпуса, где заключенным по правилу тюрьмы, надлежало пробыть не менее четырнадцати дней.

Так же быстро выдергивались из карантина и буржуазные элементы.

Таким образом, на лицо была яркая иллюстрация классовых подразделений.

С. Бройде.

Мисс Катюша.

Юмореска В. Черноярова. Рис. К. Ротова.

Ей бы хотелось, собственно, чтобы ее называли мисс Кэти, но все сослуживцы и знакомые называли ее «мисс Катюша». Всякому человеку хочется чегонибудь в жизни—ей хотелось быть американкой. Или, если уж судьба заставила ее родиться в Перми и жить в Москве, то хоть

... Иван Семенович несколько не походил на американца...

быть похожей на американку и чувствовать себя ей. Не одна Катюша была повинна в таком невинном желании.

Все молодые люди в возрасте от 16 до 32 лет мечтают о том-же. До последнего времени мечты об Америке излечивались вместе с детскими болезнями: коклюшем и корью, но с тех пор, как наше представление об Америке индейцев сменилось представлением об Америке находчивых, бодрых и здоровых янки—все переменялось. Фантастические американские дядюшки из романов для юношества объединились в реальнейшую Ара и Америка стала близкой, понятной и желанной.

Ведь, по существу, Россию от Америки отделяет не огромные воды Атлантического океана, а только узенькая полоска Берингова пролива.

То, что через Камчатку ехать дольше ничуть не опровергает факта близкого соседства и географического сродства.

От головы до ног, от каблука до узконосых ботинок, от конденсированного молока за завтраком до сигареты на сон грядущий—стали все американцами с поистине американской быстротой и простотой.

Платье одело тело, продукты впитались в кровь, табак вошел в легкие, а романы Лондона, Синклера и Генри овладели мыслями. Все стало американцами и ноги сами затанцевали под американские ректаймы, забыв о старых европейских вальсах и по-д-натрах. И кто стать американцем, а вот попробуйте стать американкой! Уверю вас, что это неизмеримо труднее.

Американки одваются по европ йски, американская обувь грузна и тяжела, американки не курят виргинского табаку,

довольно толстый нос, то никакой цвет лица не приблизит вас к американским открыткам.

Ведь это ужасно, если серьезно вдуматься!

Рушатся мечты юности и неудовлетворенная разочарованность поселяется в сердце.

А это уже окончательно не похоже на американку.

Ну, что тут будешь делать?

Катюша грустно стучала на машинке: машинка была немецкой фабрики и Иван Семенович несколько не походил на американца, хотя плечи в его пиджаке и были подложены ватой. Ее не веселило ни солнце, ни новая шапочка и несколько не интересовали рассказы другой машинистки об ее балетных успехах.

Она обещала сейчас же после службы придти обедать на новоселье к Лизе Школьниковой. Она только что вышла замуж, устроилась и пригласила своих подруг на новоселье.

Рядом с ней на троттуаре сидел какой то молодой человек...

Тихо было в конторе и медленно тянулось время. Кончились занятия. Катюша закрыла машинку чехлом, надела шапочку и побежала к Лизе. Она сильно проголодалась и с удовольствием думала о том, что ей не придется сегодня готовить и что она проведет весь вечер в веселой болтовне и будет учиться танцевать фокс-тот. Завернув в нужный переулок, она стала искать глазами номер седьмой. Это должен был быть маленький двухэтажный домик. Оглядев улицу, она увидела соборник и перешла на другую сторону. Как Лиза и говорила здесь было две двери. Надо было постучать в правую. Катюша так и сделала. Дверь сейчас-же предупредительно отворилась и высокий молодой человек ласково сказал:

— Пожалуйста, пожалуйста!

— Елизавета Николаевна дома?

— Входите, входите,—приветливо улыбнулся молодой человек. Потом он запер дверь и коротко сказал

— Ваши документы?

Катюша обомлела:

— Какие документы?

— Удостоверение личности или трудовую книжку.

Катюша достала трудовую книжку, удостоверение со службы молча протянула их.

— Вы к кому пришли?

— К Елизавете Николаевне Школьниковой, то-есть Мунстер.

Молодой человек подозрительно посмотрел на нее.

— Что это значит «то-есть»? К Школьниковой или Мунстер?

— Да это все Лиза: она была Школьникова, а теперь Мунстер.

— Ага! Это партийная кличка?

— Нет, просто она замуж вышла.

— Замуж вышла? Странно. С такой фамилией здесь никто не значится.

Он стал перелистывать какие-то бумаги.

— А это какой номер квартиры?

— Восьмой. А что?

Катюша радостно улыбнулась.

— Значит я ошиблась. Мне сельмой надо. Простите пожалуйста. Отдайте мне документы я пойду туда. Я и так опоздала.

— Нет уж до приезда комиссара вам не уйти.

— Как не уйти? Я еще не обедала. Я есть хочу. Что-же тут такое?

— Это засада,—сказал кто-то из соседней комнаты.

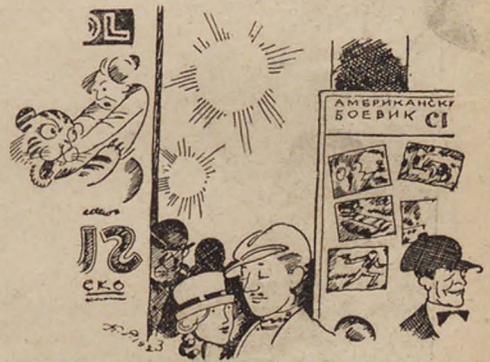
Катюша подняла глаза и увидела элегантного молодого человека, улыбавшегося ей. Катюша сразу почувствовала в нем родную душу. Молодой человек казался сразу иллюстрацией ее страниц Нью-Йорк Монти Магазин. Ничто не портило впечатления. Полосатый галстук и круглые очки—все было так, как нужно.

— Вы попа и в засаду,—повторил молодой человек.—Мы с вами товарищи по несчастью я тоже попал сюда по совершенному недоразумению я ведь никакого отношения к этим спекулятивным сделкам не имею. И с напманами знакомства не поддерживаю.

Катюша, очень обрадовалась обществу молодого джентльмена и уже не с таким отчаянием ожидала приезда комиссара. Но, когда она узнала, что очковый джентльмен только два месяца, как приехал из Чикаго, где он живет с детства—она пришла в окончательный восторг: вот какие неожиданности подготавливает жизнь. Какое стечение обстоятельств нужно, чтобы столкнуться непосредственно с частицей Америки.

К вечеру юный американец под присмотром молодого человека отправился за покупками и они превосходно поужинали вдвоем.

Катюша, раскрасневшаяся от московской мадеры, мадеры, которая во много раз крепче и забористее, чем губернская мадера из гоголевских «Мертвых душ», расспрашивала про Нью-Йорк, Чикаго и

... Знаете что, пойдете в кинематограф...

Бостон, и получала несказанное наслаждение. «Мистер Прест оф Чикаго» очень мило ухаживал за ней и, очаровательно глотая «р», произносил «олл райт» и «май дир». Катюша была в восторге от нового знакомства. Она видела, что нравится ему и в ее хорошеющей, но чисто русской, головке мелькали картины американских возможностей. Она теперь ничуть не ждала, что комиссар запаздывает. Они проболтали всю ночь и только под утро она заснула на диване, закутав ноги пальто собеседника, пальто последнего бостонского покроя. Ей снились сбивчивые картины американских приключений, похожие на смесь романов с фильмами.

На утро приехал комиссар. Он уселся за стол, достал из портфеля кучу бумаг и принялся за допрос. Бессонная ночь, или какиенибудь сердечные страдания

«Мистер Прест оф Чикаго»... был под судом в 18 году за спекуляцию валютой...

но предпочитают русские папиросы—вы видите, как трудно быть не похожей на немку или француженку.

Вот это то и угнетало Катюшу.

А если у вас еще круглое лицо и несколько вздернутый и—что греха таить—

(может быть внезапная любовь к ней, подумала Катюша, в Америке ведь все внезапно) или чтонибудь другое было причиною, но только очкастый джентльмен держался уже не так браво и независимо. Он даже несколько поблел. Допрос начался с него. Спросили адрес, имя. Потом комиссар спросил.

— С какого времени живете в Москве?
— С четырнадцатого года.

Как с четырнадцатого года,—подумала Катюша—ведь он всего два месяца, как приехал из Чикаго?

— Чем занимаетесь?

— Состою на иждивении у отца.

Катюша ничего не понимала—ведь он приехал хлопотать о концессии; и когда выяснилось, что он был под судом в восемнадцатом году за спекуляцию валютой, она все-таки продолжала ничего не понимать. И только когда ему объявили, что он арестован и он сконфуженно попросил отпущенную Катюшу позвонить по телефону отцу, чтобы он не беспокоился, отцу, который эмигрировал в Чикаго в 1897 году и с тех пор там безвыездно жил и записал на бумажке его имя и номер телефона, она начала кое-что понимать.

Да, в жизни бывает много неожиданностей—приятных и неприятных.

Только на улице Катюша сообразила и поняла все.

Она разорвала записку на мелкие клочки и расстроенная пошла домой.

Один раз в жизни она ощутила нежную, живую струю заманчивого американского духа и та оказалась поддельной.

Медленно шла она по Петровке. Она

шла неглядя и внезапно наткнулась на шумящую толпу, заполнявшую улицу. Автомобили пищали, кричали, гудели надвываясь, извозчики кричали и размахивали возжами, стараясь пробиться сквозь густую толпу. Галево в зеркальных окнах хорошенькие девушки с отличными фигурами медленно вертелись перед собравшейся толпой, давая возможность внимательно рассмотреть надетые на них роскошные туалеты. Раздраженная задержкой, пробралась Катюша сквозь толпу и даже не остановилась рассмотреть новые фасоны. Она прошла еще несколько улиц и вдруг услышала протяжный крик. Она подняла голову и увидела в растворенном окне первого этажа растрепанную женщину в белом халате, всю залитую кровью.

Сейчас же раздался отчаянный крик из нескольких глоток и раздались выстрелы. Раз! Раз! Раз!

Кто-то бежал по улице и опять совсем над ее ухом раздалось:

— Раз! Раз! Раз!

Народ столпился кругом, глаза и прислушиваясь. Перестрелка началась с новой силой. Она хотела идти дальше, но кто-то схватил ее за ногу и она упала. Она испугалась и некоторое время боялась взглянуть вокруг. Выстрелы затихли, толпа бросилась куда-то бегом. Катюша подняла голову и села. Рядом с ней на троттуаре сидел какой-то молодой человек без шляпы с растрепанными волосами и в вышитой косоворотке, выглядывающий из под запятого и смятого пальто. Больше никого по близости не было. Они посмотрели друг на друга.

— Простите меня, пожалуйста,—сказал молодой человек в косоворотке.

— Это вы меня за ногу схватили?—Очень недовольно спросила Катюша.

— Я.

— Зачем же это вы сделали. Я рукав совсем разорвала.

— Да ведь мы под обстрелом были. Когда обстрел надо на землю ложиться, так все говорят.

— Глупости, никогда я не ложилась. Да разве это обстрел? Так ерунда!

— Простите пожалуйста я никогда под выстрелами не бывал. Тут у вас в Москве так странно.

Катюша посмотрела на него. У него было славное лицо, хотя и с усами. И в косоворотке. Под выстрелами не бывал. Очевидно, из какого-то совсем глухого захолустья.

— Ничего у нас в Москве не странно. Вот вы откуда эту манеру за ноги хватать вывели?—произнесла она.

Потом поднялась, почистилась и величественно проследовала далее, не обернувшись ни разу. Она осталась сидеть на троттуаре. Два дня спустя, она спустилась по Кузнецкому мосту поведя вечером, погруженная в свои мысли. Внезапно у самых ее ног зажглось яркое световое кольцо и снова потухло. Озадаченная она остановилась. Кольцо зажглось снова. На этот раз она ушла прочесть «Папиросы Х див П тротабтреста». Эта огническая реклама наводилась из окна магазина.

— Здравствуйте! Мы с вами ведь знакомы; раздался вдруг за Катюшу и будто знакомый голос. Она обернулась. За ней

Электро на Волге.

От нашего нижегородского корреспондента.

Года как дни.

Недавно жалобные куличьи всхлипы, забытые солеварни, полусгнившая средневековая Балахна и болота: Соколовские, Чернораменские, Долгое. Кто думал,

по артериям которого к 1-му января 25 года во все промышленные районы, во все уголки Нижегородской губернии потечет жизнь.

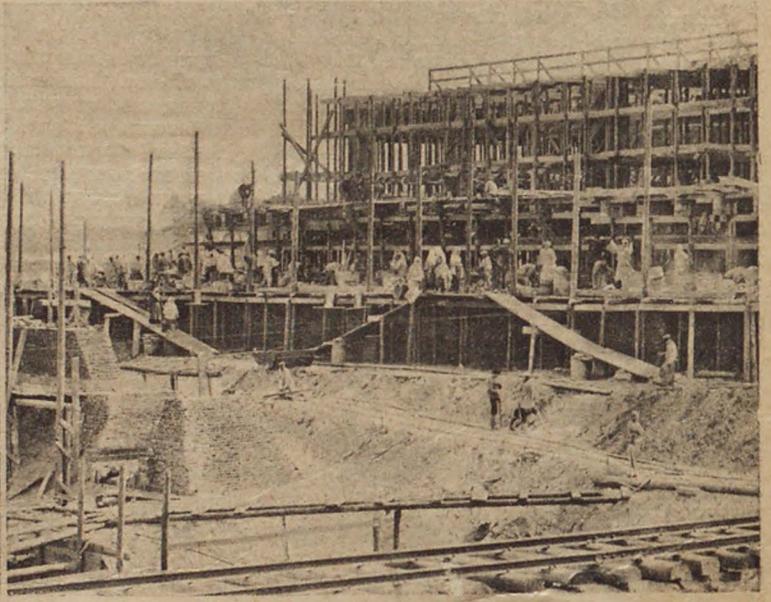
Сейчас там главная работа: проклады-

Иначе нельзя.

В сезон нужно 4.000.000 кирпичей, нужно по 300.000 пудов в месяц перебросить из Илеса гравия, из Нижнего 400.000 пудов буттового камня, из Вольска и Ры-

Постройка главного канала к реке Железнице.

Северо-западная сторона здания котельной.

что они 70—80 лет—срок, которого хватит на век электричества, в его нынешней форме—будут питать сильнейшую в республике паро-турбинную Балахнинскую электростанцию.

Пока—строительство. Пока—2 тысячи рабочих изо дня в день работают над созданием сердца в 80 тысяч киловат, сердца,

вається канал к реке Железнице, канал, который будет подавать 4 тысячи ведер в час для питания котлов. Заканчивается подъемник для подачи железо-бетонной массы для заливки колонн.

Там свое электро-государство. Свой флот. Свои заводы, своя железная дорога.

бинска 100.000 пудов цемента, из Сормова 4.000 пудов железа

Озачебно бегают паровозы. Ночь и день. День и ночь. Ведь 80 тысяч киловат на 60—80 лет.

А у нас года, как дни.

Вик. Кокосов.

Литературный конкурс „ОГОНЬКА“ см. последнюю страницу.

стоял тот самый юноша, который заставил ее упасть, чтобы избежать пули.

— Вы на меня не очень сердитесь?

— Нет.

— И рукав починили?

— Починила.

Они разговорились, и он оказался очень славным и, видимо, неглупым малым, так что, когда он предложил

— Знаете что, пойдите в кинематограф, — то она без колебаний согласилась.

Катюша любила приключения и новые знакомства, как все московские американки. Правда это было скорее московское желание американское приключение, но все же...

В кинематограф они попали к концу серии и вошли в зал как раз в тот самый момент, когда какая-то дама ударом кулака сбила с ног большого свирепого тигра и тут же обещала выйти замуж за корреспондента Нью-Йоркских газет.

В зал дали свет и они могли спокойно болтать друг с другом.

— Скажите, вы никогда не были под выстрелами?

— Нет, никогда.

— Где же вы жили все это время?

— В Гальвестоне, в Техасе.

— Где-е?

— В Техасе. Ну, в Техасе по русски

Что вы на меня так смотрите?

Катюша поджала губы сдержанно сказала:

— А вы не врете?

Ни слова не говоря, он вынул из внутреннего кармана бумаги и протянул ей. Это были паспорт и визы из Нью-Йорка в Москву, через Гамбург, с фотографическими карточками.

— Здесь у вас все во всем сомневаются.

Для Катюши знакомство приобрело значительно больший интерес.

— Как же вы попали тогда в этот Техас?

— Эмигрировал, а теперь вернулся.

— А почему вы в косоворотке?

— Меня здесь обокрали — вот я и хожу пока в чем приходится.

— А зовут вас как?

— Вася.

— Вася?

Они подружились. И когда через месяц он пришел к ней и застал ее плачущей, то стал утешать совсем по дружески.

— Ну, что вы плачете. Верно, опять из-за пустяков.

— Совсем не из-за пустяков. Все это из-за председатели. Обязана я разве с ним в театр ходить?

— Какого председателя?

— Какого! Какого! Председателя жилищного товарищества.

— Что же он вам сделал?

— У вас, говорит, комната велика — переезжайте в другую. А я к этой привыкла. Да и крошечная та комната.

— А что у вас упрямство?

— Ну да.

— Так значит и у нас скоро будет, а у меня огромная комната. Знаете что? Чтобы меня не упростили переезжайте ко мне.

— Бросьте вы шутки шутить. Вы лучше скажите куда мне жалобу подавать.

— Да плюньте вы на вашего председателя — выходите за меня замуж и переезжайте ко мне.

— Замуж?

— Да. Да разве вы не видите как

Тут он ее обнял, а она...

... Да разве вы не видите, как я... — Тут он ее обнял, а она...

Упрощение музыкальной грамоты.

„Клавиатура будущего“.

(Письмо в Редакцию „Огонька“).

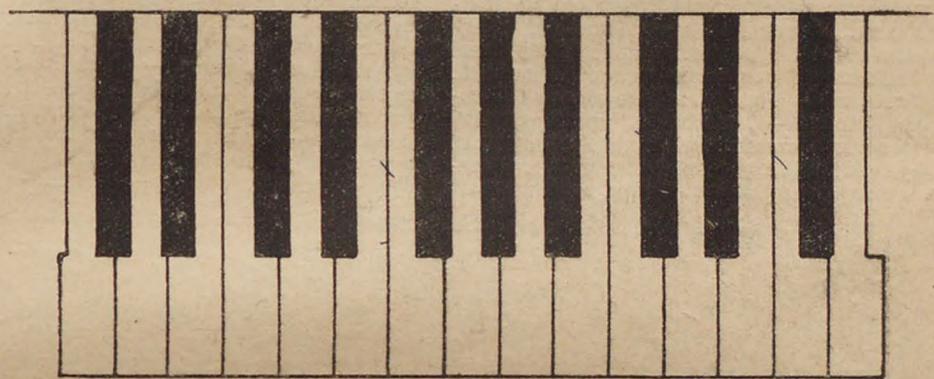
В № 5 «Огонька» указана новая система музыкальной грамоты, изобретенная Ж. Отстоном. Выражая свое восхищение перед гениальным по простоте решением этого вопроса, я вместе с тем прошу редакцию напечатать к ней следующее дополнение.

Если нотописание, господствующее в настоящее время, уже не отвечает своему назначению, то тоже самое справедливо и для системы клавиатуры клавишных инструментов. Я предлагаю в ней следующее изменение (см. рисунок): клавиши ре и ми переместить с их бемолями так, чтобы получилась клавиатура, изображен-

Применение такой клавиатуры, конечно, совместно с нотописанием по Ж. Отстоном, сразу неизмеримо приблизило бы музыкальное искусство к массам. Это была бы революция в музыке, проведение которой наиболее возможно именно в революционной России. И такую революцию необходимо провести.

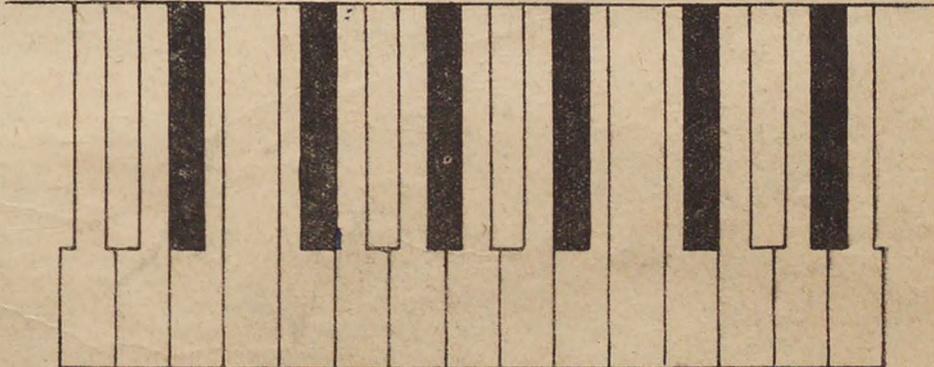
Мною сконструировано простое приспособление, в виде накладной клавиатуры, легко превращающее обыкновенную клавиатуру в «Клавиатуру Будущего». Если кто серьезно заинтересовался бы вопросом осуществления этого приспособления, или переделкой обычной кля-

Обыкновенная клавиатура.

до ре ми фа соль ля си до

Клавиатура предлагаемая автором.

до до-бемоль ми фа соль ля си до

Соответствующие ноты по нотописанию Ж. Отстома.

ная на рисунке. Ее громадное преимущество в том, что при игре с нот, написанных по системе Ж. Отстома, не нужно знать даже названий нот, и их взаимоотношений, т. е. три черные клавиши каждой октавы вполне соответствуют трем черным линиям нот. Две короткие белые клавиши — нотам «между линиями», а остальные белые клавиши соответствуют нотам «над» и «под» линиями. Короче говоря, клавиатура и ноты становятся совершенно сходными по их расположению и для изучающего игру на клавишных инструментах остается учиться только технике игры, не затрачивая громадное время на изучение тех «200 позиций и значений нот» в обыкновенной системе, о которых говорит автор заметки в № 5 «Огонька».

виатуры на новую, я с удовольствием сообщу ему подробности, не делая из этого никакого секрета и не собираюсь «патентовать» свое изобретение.

Томск.

Инженер М. И. Вавишев.

От редакции. По отзывам специалистов «клавиатура будущего», предлагаемая М. И. Вавишевым, является весьма ценным дополнением к системе Отстома. И система музыкальной грамоты и настоящее изобретение М. Вавишевича служат сейчас предметом серьезного рассмотрения в Наркомпросе.

На соленых берегах.

Письмо Н. Асеева.

Вкратце: дорожные впечатления Сильнейшее из них—боевой лозунг Н. К. П. С.—«три рубля золотом!» Он звенит в ухах при малейшем нарушении правил «сидячей плацкарты» в которую превращаешься, или читатель, как только ного твое переступит подножку жесткого вагона поезда № 3 или 1с. Он растет и ширится по всей магистрали, победно гремя над притихшими, оглушенными его мощностью пассажирами. Брошенная на пол спичка, неосторожный взгляд на начальника станции—и лозунг гремит, поражая в сердце плохо защищенное тощим бумажником зазевавшегося простофилю. Я знал одного молодого человека, которому пришлось за дурную привычку плевать из окна вагона—заплатить около шести тысяч золотом в короткий перегон между Мелитополем и Поньями. Другой попал в вечное рабство к Н. К. П. С. только потому, что его чемодан был на шесть вершков длиннее установленного масштаба. Чем дальше он ехал, тем больше рос штраф. А вытащить чемодан он не мог, так как тот не заширался и в багаж его не принимали. Парень, в конце концов, обесилел и сдался, оставшись навсегда в поезде в качестве запрещенного образца для пассажиров. Теперь он уже делает 679 перезд Москва—Севастополь, примирившись с обстоятельствами. Это тихий, культурный неудачник. За то другой—специализировался на нарушение правил. Так, возмущенный

продажей совершенно белых арбузов по линии, он покупал их на каждом полустанке и потом бомбардировал с тронувшегося поезда коварных владельцев ларьков—под радостные крики оставшихся на перроне «Три рубля золотом!» Тогда он мчался в свое отделение, нахлобучивал парик и бороду, и шел вместе с контролем отыскивать нарушителя перронной чистоты.

Ветка с Симферополя обслуживается паровозом «Пролетарий», отремонтированным, как значится на его груди, к 1 мая. Паровоз очень сознательный—очень склонен и смычке с деревней: останавливается среди поля и по мере умения изображает то трактор, то локомобиль: пыхтит, фыркает паром и пытается вспахать целину.

От Сан начинается соль. Думаю—судя по ее количеству—хватило бы насолить и Керзону и Муссолини с семействами и друзьями. Затем начинается курорт.

Копченые нэпачи—им приходится тоже довольно солоно. За «удовольствие вспомнить старину» с них дерется шкура не только от сильного действия прямых лучей. У Дюльбера цены согласованы со спортивными правилами Н. К. П. С.—куда не плюнет нэпач—за все три рубля золотом». А вообще в Евпатории недорого, упрощенно и лечебно. Комната светлая и чистая—тысячи полторы в месяц, обед в среднем рублей пятьдесят, абрикосы—фунт десятка, кефир—бутылка—восемь,

хлеб белый—трешка фунт. А бесплатные солнце и море можно бы продавать по золотоизменению—но, кроме нэпачей их потребают и просто заработавшиеся до дыр советские клячи, а потому, как сказано, платы за них нет.

На пляже—рядом с Дюльберовским—и дальше по всему вяморью—согни тел, которым действительно нужна починка: здесь и впаалье груди и выступившие ключицы, а нередко и горбы и костыли. Солнце основательно дезинфицирует все эти изношенные мускульные доскутья, заливывает впадины, доснит увядшую кожу. Днем на пляже как то деловито и строго. Точно действительно больная починочная мастерская поломанных механизмов. И резко разнятся—вновь приехавшие теньвые призраки, от прошедших уже курс, забронзовевших, отдохнувших. На коже посверкивает соль, на лимане—горячие лепешки соленой грязи. Соленый ветер солнце пощипывает солью. Ничего. Просолятся—опять в работу пойдут!

Нэпачи на «своем» пляже недовольны: мало флирта, праздничности, легкости! Но «Гелиос», «Таласса» глубоко вбирают в легкие соль, деловито впитывают жизнь, чтоб снова—зимой поднапереть плечом общий груз медленно поднимающийся страны.

Н. Асеев.

Дождливое лето.

Рис. К. Ротова.

Бытовые картинки Московских ливней.

Литературный конкурс „ОГОНЬКА“

продлен до 15 сентября с. г.

К темам, предложенным в №№ 15 и 17 „ОГОНЬКА“, прибавляются:

описание: 1) ГОРОДА (губернского или уездного), 2) КРАЯ.

Рекордный прыжок в море с 60 ти-футовой высоты

Издатель „Мосполиграф“.

Москва. Главлит № 12.589.

„Мосполиграф“, 16-я типография, Трехпрудный, 9.

Редактор М. Е. Кольцов.

50.000 экз.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПРЕДПРИЯТИЙ ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ

„МОСПОЛИГРАФ“

ИМЕЕТ В СВОЕМ СОСТАВЕ ВСЕ ОТРАСЛИ
ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА:

Типографии, хромо-лито-
графии, переплетно-
брошюровочные.

Фото-цинкографии, мец-
цо-тинто, гальвано-
пластика.

Словолипня, штемпель-
но-граверная фабрика,
облапчонная фабрика.

Отдел обойного произ-
водства, фабрика кон-
торских книг.

Отдел писчебумажных и
канцелярских принад-
лежностей.

Исполняет все в области
печатной техники.

АДРЕС ПРАВЛЕНИЯ „МОСПОЛИГРАФ“:

Пименовская, 16, телефоны: 19-21, 1-38-25, 1-38-41.

КОММЕРЧЕСКОГО ОТДЕЛА „МОСПОЛИГРАФ“:

Тверская, 48. Телефоны: 46-34, 1-74-85.

ВНИМАНИЮ ДРУЗЕЙ КРАСНОГО ВОЗДУШНОГО ФЛОТА!
Популярная ГАЗЕТА Общедеетупная

„ВОПРОСЫ АВИАЦИИ“

Орган „О-ва Содейетвия Красному Воздушному Флоту АТССР“
КАЗАНЬ, Бол. Проломная ул., 7.

Выходит 4 раза в месяц.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на август 15 р.; до конца года—1 р. золотом.

РОЗЫГРЫШ 20-го августа 1923 г.

ТИРАЖ - РОЗЫГРЫШ.

РОЗЫГРЫШ 20-го августа 1923 г.

2-й тираж Государственного 6% Золотого Выигрышного Займа.

СПЕШИТЕ ЗАПАСТИСЬ ОБЛИГАЦИЯМИ К 20-му августа.

Во втором тираже предоставляются особые льготы держателям займа. 800.000 руб. золотом—более 80.000.000 руб. дензнаками 1923 года, разделенные на 13.169 выигрышей, разыгрываются между пятью сериями, а не между всеми 10 сериями займа. Это увеличивает шансы на выигрыш в два раза.

Второй тираж начнется не 1 сентября, а 20 августа текущего года. Результаты второго тиража выяснятся на две недели раньше предположенного первоначально.

Продолжается коллективная и индивидуальная подписка на облигации выигрышного займа. При коллективной подписке для рабочих и служащих дается скидка в 5% с продажной цены облигации. При коллективной и индивидуальной подписке допускается рассрочка платежа с тем, чтобы все расчеты были закончены к 15 августа. При подписке в рассрочку через Государственные трудовые сберегательные кассы дается более длительная рассрочка.

Облигации выпущены в 5 и 25 рублей золотом. Облигация в 25 рублей имеет пять номеров, из которых каждый может выиграть отдельно.

Облигация, выигравшая при втором тираже, не погашается. Она может выиграть и в следующие тиражи—1 января 1924 года, 1 июля 1924 года и т. д.

Заем выпущен на 10 лет. Первые пять лет происходят только тиражи выигрышей. С 1928 по 1932 г. происходят тиражи выигрышей и погашения. За погашенную облигацию государство выплачивает стоимость ее в день погашения по номиналу. Оплата купонов 1 июня и 1 декабря каждого года. Облигация приносит 6% годовых.

Выплата выигрышей и оплата купонов производятся по золотому курсу дня предъявления к оплате.

В тираж выигрышей входят по одному выигрышу в 100.000 рублей золотом, по одному выигрышу в 50.000 рублей золотом, по два—в 25.000 рублей золотом, по 5—в 10.000 рублей золотом, по 10—в 5.000 рублей золотом, по 50—в 1.000 рублей золотом, по 100—в 500 рублей золотом, по 1.000—в 100 рублей золотом, по 2.000—в 50 рублей золотом, по 10.000—в 20 рублей золотом.

Выигрыши Государственного 6% Золотого Выигрышного Займа освобождены от всех видов налогов и сборов государственных и местных, специальных и общего характера.

Выигрыши займа не подлежат обложению по имущественно-подходному налогу.

Выигрыши по первому тиражу выплачены полностью и без всяких удержаний и обложений по золотому курсу дня выплаты. 13.169 человек выиграли большие суммы денег.

Облигации принимаются в залог по всем казенным подрядам и поставкам.

Под облигации выигрышного займа банковские учреждения и государственные трудовые сберегательные кассы выдают ссуды из 9% годовых (фактически 3%, так как сами облигации дают 6% годовых). Ссудо-залоговые операции освобождены от гербовых сборов.

Облигации займа можно бесплатно хранить во всех финотделах.

Облигации ВЫИГРЫШНОГО ЗАЙМА котируются на московской фондовой бирже.

ЗОЛОТОЙ ЗАЕМ

ДАЕТ возможность каждому застраховать свои сбережения от обесценения бумажного рубля.
ДАЕТ возможность каждому получить на свои сбережения 6% годовых по курсу золота.
ДАЕТ возможность каждому выиграть большую сумму денег—до 100.000 рублей золотом.

Золотой заем укрепляет курс рубля, оздоравливает финансы, восстанавливает хозяйство С.С.С.Р.

Облигации займа продаются во всех кредитных учреждениях СССР, а также во всех губернских и уездных финотделах, почтово-телеграфных конторах, кооперативных учреждениях и других местах по курсу фондового отдела МТВ.

Валютное Управление НКФ